

УДК 911.3:32

РОССИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ГЕОПОЛИТИКЕ 2000–2023 гг.

© 2025 г. Л. С. Жирнова^{1,2,*}, А. Н. Фартышев^{1,3,**}

¹Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск, Россия

²Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия

³Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

*e-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

**e-mail: fartyshev.an@gmail.com

Поступила в редакцию 24.05.2024 г.

После доработки 08.03.2025 г.

Принята к публикации 03.06.2025 г.

В статье представлен обширный анализ публикаций по российской проблематике в зарубежном академическом дискурсе по политической географии и геополитике с 2000 по 2023 г. Цель исследования — выделить основные тематические кластеры статей о России и отследить их трансформацию с течением времени. В результате кластерного и временного библиометрического анализа аннотаций и заголовков более полутора тысяч статей ведущих журналов с использованием программного обеспечения VOSviewer 1.6.19 выделены четыре тематических кластера, которые условно можно обозначить как “критико-геополитический”, “экономико-трансформационный”, “транспортно-инфраструктурный” и “социолого-электоральный”. В каждом кластере — выделилась наиболее упоминаемая в соответствующем контексте страна (это не всегда Россия, так как в выборку включались все статьи с упоминанием России в заголовках и аннотациях, но необязательно с преобладанием таких упоминаний). В “критико-геополитическом” кластере — это Турция, в “экономико-трансформационном” — Россия, в “транспортно-инфраструктурном” — Китай, а в “социолого-электоральном” — Украина. Наиболее крупный кластер — “критико-геополитический”, выстроенный вокруг анализа представлений о геополитическом положении и иерархии, а также об их влиянии на поведение акторов разного уровня. Наиболее “компактный” — “транспортно-инфраструктурный”, связанный с транспортными проектами Китая и евразийской интеграцией. Именно этот кластер объединяет термины с самым поздним средним годом употребления, которые касаются относительно недавних китайских инфраструктурных инициатив на пространстве Большой Евразии (“Один пояс, один путь”), а также функционирования Евразийского экономического союза. Проблематика с наиболее ранним средним годом употребления связана с “экономико-трансформационным” кластером и касается анализа последствий перехода России и других постсоветских стран к рыночной экономике. Анализ контекста изучения российской тематики в зарубежном политико-географическом академическом дискурсе позволяет лучше понять представления о России в зарубежном научном сообществе и сформулировать их характерные особенности.

Ключевые слова: геополитика, количественные методы, политическая география, VOSviewer, библиографический анализ, библиометрическое картографирование, корпусная лингвистика, Россия

DOI: 10.7868/S2658697525040037

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы вышел целый ряд исследований по эволюции политико-географической и геополитической школы в России (Колосов, 2008), количественным методам в геополитике

(Фартышев, 2022), отдельным региональным научным школам (Каледин и др., 2019), библиографии (Потоцкая, Сильничаева, 2019). Зарубежный дискурс в этой области до сих пор оставался в некоторой стороне от внимания отечественных исследователей, хотя можно найти как примеры

библиометрического анализа зарубежных публикаций (Сильничая, Гуменюк, 2020), так и методологические обзоры (Колосов, 2008, 2011; Окунев, 2014). В то же время за рубежом существует немало исследователей политической географии, специализирующихся на России или так или иначе включающих ее в свои научные выкладки.

Обсуждение России в академической литературе особенно активно велось в 1990-е годы в связи с необходимостью проанализировать результаты социально-экономического и политического развития Советского Союза, причины его стремительного подъема в первой половине XX в. и для многих неожиданного падения в конце столетия. Со временем волна дискуссий пошла на спад, и в 2000-е годы были закрыты многие исследовательские лаборатории по данной тематике (например, Федеральный институт восточноевропейских и международных исследований в Кёльне, BIOst) (Орлов, 2010), однако интерес к российской политике сохранялся. Начало специальной военной операции на Украине породило новый виток обсуждений роли России в международной политике. Важную роль в этих дискуссиях играют специалисты по политической географии и геополитике. Данное исследование позволяет отследить, как менялась тематика политико-географического изучения России в первой четверти XXI в.

МЕТОДОЛОГИЯ

В основе исследования — анализ тематики научных статей в ведущих политико-географических журналах за 2000–2023 гг., отобранных по ключевому слову “Россия”. Были использованы публикации четырех ведущих политико-географических журналов: “Geopolitics” ($n = 549$), “Political Geography” ($n = 312$), “Eurasian Geography and Economics” ($n = 643$), “Progress in Human Geography” ($n = 107$). Два из представленных журналов — “Geopolitics” и “Political Geography” — посвящены непосредственно политической геополитике и политгеографии. Еще одно издание — “Progress in Human Geography” — фиксирует развитие самых разных направлений общественной географии, от философских до эмпирических исследований. Также выборка дополнена журналом “Eurasian Geography and Economics”, публикующим статьи по географической и геоэкономической тематике Большой Евразии — от постсоветского пространства и европейских стран до Китая и Юго-Восточной Азии. Хотя выборка может показаться разнородной, она позволяет составить всестороннее представление о зарубежном академическом политико-географическом дискурсе на российскую тему.

В ходе подготовки выборки были также рассмотрены другие издания, однако все они не были включены в исследование по разным причинам: в журнале “Economic Geography” было зафиксировано сильное преобладание экономической тематики, в журнале “Annals of American Geographers” была значительная доля публикаций по физической географии, а в журнале “International Relations” оказалось мало статей географической, пространственной направленности.

Несомненно, важную роль в развитии научной дискуссии играют монографические труды, изданные ведущими издательствами (Springer, SAGE, Taylor&Francis, Oxford Press, Wiley, Elsevier и др.), однако и они находят отражение в данной выборке, поскольку в ведущих академических журналах публикуются обзоры и рецензии на наиболее значимые книги, а сами монографические труды нередко предваряются журнальными статьями, раскрывающими отдельные аспекты исследования. Сбор материала происходил в полуавтоматическом режиме с помощью программы хранения библиографических данных Mendeley, интегрированной с сайтами научных журналов. Всего были обобщены сведения о 1611 статьях.

Количественный библиографический анализ производился методом построения сетей (или графов) по двум элементам заголовкам и аннотациям — с помощью программного обеспечения VOSviewer 1.6.19. Данная программа специально разработана в Лейденском университете для подробного библиометрического анализа (van Eck and Waltman, 2010; Waltman and van Eck, 2012) и широко используется в зарубежных исследованиях (Du and Chen, 2022; Picone et al., 2021; Xiao and Li, 2021), но до сих пор была не столь востребована российскими авторами.

Для построения и визуализации сетей программа VOSviewer использует метод визуализации сходств (visualisation of similarities, VOS), основанный на матрице совместной встречаемости и силе связи/ассоциации (также известной как индекс близости или вероятностный индекс соответствия). Расстояние между двумя элементами отражает силу связи между ними — чем меньше расстояние, тем больше связь, то есть в нашем случае — тем чаще указанные слова встречаются в одних и тех же заголовках и аннотациях.

Полученные графы анализировались двумя способами: с помощью кластерного анализа (clustering network) и визуализации перекрытия временных шкал (overlay timescale visualization). Оверлей производился в соответствии с временной выборкой равномерным градиентом стандартной предустановленной шкалой viridis.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Общий корпус статей с упоминанием России в заголовке и аннотациях был разделен на четыре кластера. Число кластеров было определено экспериментально с помощью метода локтя, когда кластеры выделяются до тех пор, пока увеличение их числа не перестанет давать полезную информацию. Именно такая конфигурация позволяет сформировать наиболее четкие и однородные кластеры, совокупность статей в которых соответствует определенной тематике и объединяет термины, наиболее часто упоминаемые в одних и тех же аннотациях (рис. 1).

Интерес представляет не только тематическая кластеризация статей по российской проблематике, но и изменения фокуса исследований во времени. Используемое программное обеспечение позволяет отследить средний год публикации с использованием того или иного термина и топонима. Так как в настоящем исследовании рассматриваются статьи за период с 2000 по 2023 г., средний год употребления термина — 2011.5. Соответственно, если средний год больше этого значения (на схеме такие термины окрашены в цвета ближе к желтому концу спектра), то тематика, соответствующая термину, актуализировалась ближе к настоящему времени, а если средний год меньше (синий конец спектра), то и термин скорее интересовал исследователей ближе к началу рассматриваемого периода. Подробные сведения о среднем годе статей с употреблением наиболее часто встречающихся терминов каждого кластера представлены в табл. 1.

“Критико-геополитический” кластер

Самый большой — красный кластер объединяет пул терминов, соответствующих критическому направлению в геополитике и политической географии, которое концентрируется на анализе представлений о пространственных связях и иерархиях и их воздействия на поведение акторов. Наряду с достаточно общими понятиями “география” и “геополитика” в число самых употребительных терминов этого кластера вошли “дискурс”, “понятие”, “идея” и “представление”. В этой же категории оказался комплекс понятий, связанных с государственным строительством (“суверенитет”, “национальное государство”), а также международной иерархией (“империя”, “гегемония”, “иерархия”, “великая держава”).

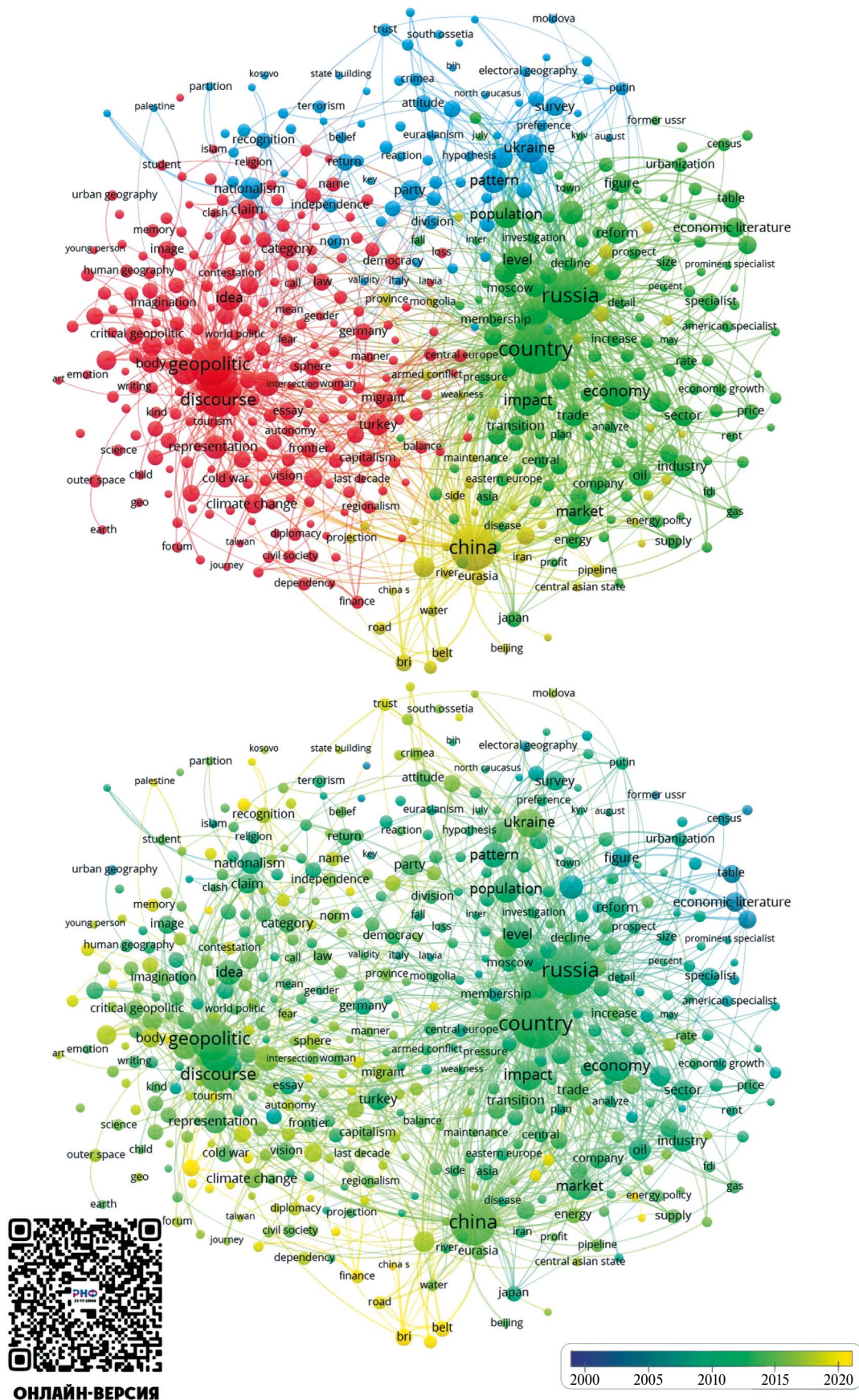
Из всех стран в наибольшей степени с этим кластером ассоциирована Турция. Вместе с ней в эту категорию вошли понятие Ближний Восток и другие страны этого региона, в том числе Сирия, Израиль и Ирак. На втором месте

по числу упоминаний — Германия, и в этой же категории оказались другие страны Запада (Франция, Испания, Великобритания, США, Австралия, Эстония, Латвия, Чехия и т.д.). Это означает, что взаимодействие России с западными странами и политика на Ближнем Востоке чаще всего изучаются через призму критической геополитики.

Что касается временного анализа первого кластера, он объединяет скорее термины, средний год появления которых в статьях ближе к окончанию рассматриваемого периода. Из наиболее употребительных терминов кластера самый ранний год употребления имеет “география” (2012.18), но и этот показатель ниже средней давности издания статей выборки. Наиболее ранний средний год появления в статьях из самых употребительных топонимов имеет Центральная Европа (2007.79), затем следуют Германия (2009.23) и Израиль (2010.29).

Среди понятий, актуализированных скорее к концу рассматриваемого периода, в критико-геополитических статьях, связанных с Россией, можно выделить такие, как “онтологическая безопасность” (2019.36), “туризм” (2019.42), “финансы” (2019.45), “украинский кризис” (2019.45) и “воображаемый” (2020.15). В этом наборе есть относительно новые явления, к примеру, “украинский кризис”, о котором стали писать только с 2014 г., а есть и термины, которые вписываются в общую тематику кластера, связанную с изучением представлений (“воображаемый” и “онтологическая безопасность”).

Именно первому, “критико-геополитическому” кластеру принадлежит самая цитируемая статья, посвященная России, из журнала *Geopolitics* под названием “В поисках цивилизационной идеи: “Запад”, “Евразия” и “Евро-Восток” в российской внешней политике” (Tsygankov, 2007). В полном соответствии с тематикой кластера статья посвящена геополитическому воображению, а именно, тому, как российское руководство ищет и конструирует для страны цивилизационную идею; на тот момент это было видение России как европейской великой державы. Автор отмечает, что такой подход не вполне сочетается с некоторыми аспектами российского позиционирования, а успех такой идентичности будет во многом зависеть и от параметров отношений с Европой. Противоречивой политике европейских стран в отношении России посвящена публикация “Пересмотр подхода к конструированию регионов: продолжение отстранения России в дискурсе о конструировании регионов европейского Севера” (Browning, 2003), которая также соответствует критико-геополитическому подходу.

Рис. 1. Сетевая структура аннотаций научных статей в зарубежных политико-географических журналах в 2000–2023 гг. по тегу “Russia”. Кластерный (сверху) и временной (внизу) анализ. Онлайн-версия: <https://clck.ru/3A8Gh5>.

Составлено авторами.

Таблица 1. Наиболее употребительные термины по четырем кластерам, число употреблений и средний год выхода публикаций

Кластер	Наиболее употребительные термины	Наиболее употребительные топонимы
Красный	geopolitic (геополитика) — 361; 2013.68 geography (география) — 300; 2012.18 discourse (дискурс) — 262; 2014.36 notion (понятие) — 140; 2014.64 idea (идея) — 127; 2012.66 sovereignty (суверенитет) — 126; 2015.92 representation (представление) — 108; 2013.44 body (тело; учреждение) — 77; 2017; 47 claim (претензия; утверждение) — 75; 2012.19 scholarship (исследование) — 74; 2017.11	Turkey (Турция) — 92; 2012.02 Germany (Германия) — 53; 2009.23 Middle East (Ближний Восток) — 34; 2017.12 Central Europe (Центральная Европа) — 34; 2007.79 Estonia (Эстония) — 32; 2012.31 Hungary (Венгрия) — 28; 2014.65 Syria (Сирия) — 28; 2018.43 Israel (Израиль) — 24; 2010.29 Iraq (Ирак) — 24; 2011.46 America (Америка) — 23; 2011.26
Зеленый	country (страна) — 560; 2012.76 economy (экономика) — 188; 2010.88 impact (влияние) — 183; 2012.43 factor (фактор) — 159; 2012.60 population (население) — 157; 2011.61 level (уровень) — 151; 2011.60 market (рынок) — 132; 2012.61 reference (отсылка) — 113; 2006.21 oil (нефть) — 103; 2010.62 migration (миграция) — 96; 2014.12	Russia (Россия) — 579; 2011.85 Asia (Азия) — 53; 2012.13 Japan (Япония) — 44; 2009.95 Moscow (Москва) — 43; 2011.47 USSR + former USSR (СССР + бывший СССР) — 39 (23 + 16) (2010.26; 2003.75) Eastern Europe (Восточная Европа) — 33; 2011.12 Romania (Румыния) — 26; 2008.58 Lithuania (Литва) — 20; 2012.20 Petersburg (Петербург) — 18; 2007.33 СЕЕ (ЦВЕ) — 17; 2015.88
Желтый	road + bri + belt + road initiative (“Один пояс; один путь”) — 155 (30 + 52 + 43 + 30); (2018.87 + 2021.08 + 2019.88 + 2020.10) infrastructure (инфраструктура) — 88; 2016.95 water + river (вода + река) — 45 (24 + 21) (2015.21 + 2011.81) pipeline (трубопровод) — 33; 2014.76 barrier (барьер) — 23; 2012.61 armed conflict (вооруженный конфликт) — 22; 2011.55 neighbor (сосед) — 21; 2012.43 projection (проектирование) — 21; 2012.89 economic integration (экономическая интеграция) — 20; 2015.65 natural resources (природные ресурсы) — 19; 2009.53	China (Китай) — 445; 2014.44 Central Asia + Central Asian states (Центральная Азия) — 75 (60 + 15); (2013.17 + 2016.60) Kazakhstan (Казахстан) — 50; 2012.04 Belarus (Белоруссия) — 40; 2013.05 EAEU (ЕАЭС) + Eurasian Economic Union — 37 (27 + 10) (2020.18 + 2019.80) Iran (Иран) — 28; 2011.57 Armenia (Армения) — 23; 2013.74 Azerbaijan (Азербайджан) — 23; 2012.56 Tajikistan (Таджикистан) — 20; 2015.30 Kyrgyzstan (Кыргызстан) — 20; 2009.75
Синий	pattern (модель) — 119; 2010.70 nationalism (национализм) — 97; 2010.74 support (поддержка) — 90; 2013.27 party (партия) — 85; 2013.25 survey (опрос) — 79; 2009.43 republic (республика) — 66; 2011.59 отношение (attitude) — 56; 2013.75 Putin + Vladimir Putin (В.В. Путин) — 55 (35 + 20); (2010.57 + 2011.10) return (возврат) — 54; 2012.83 election (выборы) — 50; 2006.84	Ukraine (Украина) — 164; 2014.52 Georgia (Грузия) — 52; 2015.38 Crimea (Крым) — 32; 2016.12 Soviet Union (Советский союз) — 32; 2012.56 Abkhazia (Абхазия) — 24; 2016.38 Bosnia (Босния) + BiH (Босния и Герцеговина) — 23 (12 + 11) (2004.33 + 2011.27) South Ossetia (Южная Осетия) — 16; 2015.25 Italy (Италия) — 16; 2008.06 North Caucasus (Северный Кавказ) — 13; 2010.31 Transnistria (Приднестровье) — 11; 2018.36

Автор констатирует, что, хотя создание новых региональных проектов на Севере Европы позиционируется как эгалитарное, предоставляющее возможность преодоления размежевания между Западом и Востоком и равноправного включения России диалог, большинство этих проектов выстраиваются на основе западных представлений, ценностей и правил и имеют оттенок европейского мессианства. Россия ставится перед неприемлемым выбором: либо принять эти практики как данность, либо остаться маргинализованной окраиной Европы. Третий пример критико-геополитического анализа — это статья “Вы слышали о таянии льда? Изменение арктической геополитики” (Dittmer et al., 2011), ставшая также одной из самых цитируемых. В статье рассматривается, как разные акторы конструируют дискурс об Арктике и как эти дискурсивные практики выливаются в реальные действия, в том числе со стороны России.

“Экономико-трансформационный” кластер

Тематику второго по величине кластера — зеленого — можно условно обозначить как социально-экономические трансформации в постсоветской России. Среди наиболее употребительных терминов здесь оказалась “экономика”, “рынок”, “нефть”, “население” и “миграция”. К этой же категории относятся понятия “инвестиции”, “инфляция”, “спрос”, “переход” и “советский период”. Формирование подобного слитного кластера позволяет заключить, что именно тематика экономических, а не политических или социальных преобразований России в постсоветский период интересовала исследователей, публиковавшихся в западных журналах, в наибольшей мере. Контекст рассмотрения рыночных реформ — это оценка их последствий для экономики и населения, роль добывающей промышленности и условия для прихода иностранных инвестиций на российский рынок. Пример подобной статьи — о среднеазиатских трудовых мигрантах в постсоветской России (Nikiforova and Brednikova, 2018).

Географическое распределение подтверждает предположение о том, что в эту категорию в первую очередь вошли статьи, посвященные преимущественно внутренней российской проблематике: на первом месте по упоминаниям “Россия” (579 упоминаний), за ней с большим отрывом следует “Азия” (53 упоминания), здесь же “Москва” и “Санкт-Петербург”. В тот же кластер вошли понятия “Восточная Европа” и “бывший СССР”, то есть в аннотациях этих статей упоминались и другие страны, осуществлявшие переход к рыночной экономике в постсоветский период. При этом из трех стран Балтии только одна — Литва — наиболее часто

упоминается в кластере рыночных трансформаций, а Латвия и Эстония чаще ассоциируются с критико-геополитическими исследованиями. К этому кластеру, к примеру, относится статья по энергетической политике Литвы, которая стала активно развивать возобновляемую энергетику в поисках альтернатив зависимости от российских энергопоставок (Sattich et al., 2022).

По контрасту с первым, кластер анализа экономических реформ объединяет терминологию, средний год употребления которой тяготеет к началу рассматриваемого периода. Среди тем, несколько утративших актуальность, — “приватизация” (2005.22) и “перепись” (2005.03). По-видимому, результаты приватизации более активно анализировались в 2000-е годы, а потом число таких публикаций пошло на спад. Так же и перепись 2002 г. в России привлекла намного большее внимание исследователей как первая полномасштабная перепись после распада СССР.

Среди топонимов средний год употребления наиболее старый у Петербурга (2007.33). В целом внимание к региональным сюжетам в иностранных исследованиях небольшое, так что и упоминание “северной столицы” скорее ситуативно. В этот же кластер попало слово “Россия” — и по времени употребления оно попадает практически ровно в середину выборки (2011.85).

Среди новых тем зеленого кластера реформ оказались “ковид” (2021.70) и “пандемия” (2019.84). Судя по тому, что эти термины оказались наиболее связаны с экономической проблематикой, они в первую очередь анализировались с точки зрения влияния коронавирусных ограничений на динамику экономики России и ее торговых партнеров.

“Транспортно-инфраструктурный” кластер

Последние два кластера серьезно уступают по размерам, но характеризуются большей внутренней слитностью. Третий, желтый кластер тематически соотносится с кластером рыночных трансформаций, поскольку также имеет экономическую проблематику, но его скорее можно обозначить как “транспортно-инфраструктурный”: он концентрируется на крупных инфраструктурных проектах в пространстве Большой Евразии. Чаще всего здесь упоминается китайская инициатива “Один пояс, один путь”, здесь же встречаются понятия “инфраструктура”, “трубопровод” и “природные ресурсы”. К этой же категории отнесена “экономическая интеграция” и “вооруженные конфликты”.

Анализ географии кластера соответствует его тематическому направлению. Центральный топоним — это Китай (445 упоминаний), за ним с большим отрывом следуют Центральная Азия и отдельные страны этого региона. В этой же категории относятся: Иран — важная региональная сила, Белоруссия — ключевой член Евразийского экономического союза, развивающий взаимодействие с Китаем [пример статьи: (Liu et al., 2021)].

Из всех четырех кластеров “транспортно-инфраструктурный” объединяет термины, средний год употребления в наибольшей степени тяготеет к концу рассматриваемого периода. Из наиболее употребительных терминов кластера самым ранним годом употребления характеризуется термин “природные ресурсы” (2009.53), что отражает некоторый сдвиг внимания от традиционных факторов производства к более современному, в том числе инфраструктурному. Что касается топонимов, из самых употребительных больше всего тяготеет к началу периода средний год упоминания Кыргызстана (2009.75). По-видимому, по мере развития евразийской интеграции взаимодействие России с этой страной стало рассматриваться в контексте Таможенного, а затем и Евразийского экономического союза, что отразилось на употреблении.

Большинство, как терминов, так и топонимов желтого кластера употреблялись в более новых статьях. В наибольшей степени это справедливо для самого употребительного термина этого кластера — “Один пояс, один путь” (в разных вариациях) [примеры: (Kuteleva and Vasiliev, 2021; van Noort and Chatterje-Doody, 2023)]. Среди терминов с указанием на топонимы здесь выделяется Евразийский экономический союз, что вполне предсказуемо, учитывая, что он образовался только в 2015 г.

“Социолого-электоральный” кластер

Синий кластер посвящен исследованиям общественного мнения и результатов выборов, поэтому его мы обозначили как “социолого-электоральный”. Наиболее частые термины здесь — “поддержка”, “партия”, “опрос”, “отношение”, “выборы”. В эту же категорию попала единственная персоналия из всей генеральной совокупности заголовков и аннотаций — Владимир Путин. Соответственно, большая часть статей в этой совокупности посвящена поддержке руководства России и отдельных его решений среди жителей страны. Другие термины этого кластера — “возврат”, “признание”, “легитимность”, “независимость”, “империализм”, “евразийство”, “русский мир”, что свидетельствует о том, что часть исследований концентрируются на во-

просе территориальных споров и дискуссий внутри и за пределами российского общества об идеологии и идентичности России.

Анализ топонимов также показывает, что “социолого-электоральный” кластер в наибольшей степени ассоциируется с геополитическими трансформациями последних десятилетий в российском приграничье. Наиболее часто упоминаются Украина, Грузия и Крым, в этой же категории Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье. Можно заключить, что территориальные конфликты, связанные с указанными странами и регионами, рассматриваются в западных журналах через одну теоретико-методологическую призму.

Этот кластер родственен “критико-геополитическому”, что отражено в некоторой смешанности на сетевой диаграмме с красным кластером, однако статьи с анализом опросов и результатов выборов, по-видимому, ближе друг к другу, чем работы других критико-геополитических направлений.

Средний год употребления терминов четвертого кластера скорее тяготеет к началу рассматриваемого периода. Особенно в этом смысле выделяется электорально-географическая проблематика (“электоральная география” — 2004.32, “президентские выборы” — 2006.11, “выборы” — 2006.84). Среди топонимов выделяется Италия (2008.06), анализ взаимодействия с которой относится скорее к первой половине рассматриваемого периода.

Тематика с более поздним средним годом упоминания связана с включением Крыма в состав России — здесь выделяются релевантные термины “самоопределение” (2018.92) и “признание” (2017.02). Термин с самым поздним средним годом употребления — “государственность” (2019.48), что перекликается с наиболее актуальными топонимами кластера — это Палестина (2018.67) и Приднестровье (2018.36). По-видимому, по мере нарастания международной напряженности на постсоветском пространстве и Ближнем Востоке, связанного со стремлением к самоопределению указанных территорий, а также, к примеру, Абхазии и Южной Осетии, данная проблематика все чаще попадала в фокус исследований ведущих политико-географических изданий.

Среди статей этого кластера можно отметить публикацию о трансформациях социальных расколов в электоральной географии России в советский и ранний постсоветский период (Perepetchko et al., 2007), а также публикации по территориальным конфликтам на постсоветском пространстве, как сравнительного характера (Bakke et al., 2018), так и по отдель-

ным кейсам, включая Абхазию и Южную Осетию (Merabishvili and Metreveli, 2021), Косово (O’Loughlin and Kolossov, 2002) и Нагорный Карабах (Radnitz, 2019).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа более полутора тысяч статей, в заголовках и аннотациях которых упомянута Россия, удалось выделить четыре тематических кластера, с каждым из которых связаны определенные топонимы. Условно эти кластеры можно обозначить как “критико-геополитический”, “экономико-трансформационный”, “транспортно-инфраструктурный” и “социолого-электоральный”. Наиболее крупный кластер связан с тематикой критической геополитики и объединяет пул понятий, характеризующих пространственные аспекты властных отношений через анализ восприятий и представлений. В нем чаще всего упоминаются Турция, государства Ближнего Востока и страны Запада. Второй по величине кластер охватывает исследования рыночных трансформаций в России. Именно в него попали собственно слово Россия, а также Москва и Петербург. Третьим из общей совокупности выделился кластер, объединяющий отсылки к инфраструктурным проектам в Большой Евразии, в первую очередь китайской инициативе “Один пояс, один путь”, а также к евразийской интеграции. Наиболее ярко здесь выделяется топоним “Китай”, но в эту же категорию попали и члены ЕАЭС, в том числе Казахстан и Беларусь. Последний кластер посвящен исследованиям общественного мнения и результатов выборов. В эту же категорию попали термины, связанные с территориальными конфликтами на постсоветском пространстве, что отразилось и в топонимическом содержании кластера — наиболее часто здесь упомянута Украина, но также и Грузия, Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье.

Анализ времени употребления рассматриваемых терминов показал, что кластер с наиболее ранним средним годом употребления терминов — это “экономико-трансформационный”, затем следует “социолого-электоральный” кластер, далее “критико-геополитический”, а наиболее актуализированную тематику объединяет “транспортно-инфраструктурный” кластер.

В целом 2010-е годы (особенно после 2014 г.) отметились повышением интереса к российской тематике по сравнению с 2000-ми годами. Следует отметить значительный перекося внимания западных журналов в сторону внешнеполитической тематики при очень малом интересе

к внутривнутриполитической. Хотя отдельные события внутренней жизни привлекают внимание зарубежных авторов, в первую очередь их интересуют те явления, которые отражают глобальные и макрорегиональные процессы, к примеру, баланс интересов в Арктике или роль России как ключевого поставщика энергоресурсов.

Широкий спектр статей по российской проблематике в ведущих западных академических журналах по политической географии показывает неослабевающий интерес к России. Изучение зарубежного дискурса позволяет открывать новые смыслы, конструкты и сюжеты для исследований в области общественной географии России, а также фиксировать внешние географические образы и понимание России и ее регионов.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 23-77-10048 «Категории “недружественность” и “географическое влияние” в контексте геополитического положения и их экономико-географическое значение для России и Сибири в частности» (<https://rscf.ru/project/23-77-10048/>).

FUNDING

The research was funded by the grant of the Russian Science Foundation no. 23-77-10048 “Hostility and geographical influence of the geopolitical subjects as basic geopolitical characteristics in the context of economic-geographical position of Russia” (<https://rscf.ru/project/23-77-10048/>).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Каледин Н.В. и др.* Развитие политической географии и геополитики в Балтийском регионе как научно-образовательных направлений: исторический вклад Санкт-Петербургского университета // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 2. С. 136–152.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-8>
- Колосов В.А.* География государственных границ: идеи, достижения, практика // Изв. РАН. Сер. геогр. 2008. № 5. С. 8–20.
- Колосов В.А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31–52.
- Окунев И.Ю.* Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики // Сравнительная политика. 2014. Т. 5. № 4. С. 6–14.

- Орлов Б.С. Россия глазами немцев в новейшее время // Россия и современный мир. 2010. № 1. С. 165–185.
- Потоцкая Т.И., Сильническая А.В. Состояние географических геополитических исследований в современной России // Балтийский регион. 2019. Т. 11. № 2. С. 112–135.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-7>
- Сильническая А.В., Гуменюк Л.Г. Российские геополитические исследования через призму библиометрии // Региональные исследования. 2020. № 1. С. 76–88.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-7>
- Фартышев А.Н. Количественные методы в российских геополитических исследованиях // Политическая наука. 2022. № 4. С. 18–40.
<https://doi.org/10.31249/POLN/2022.04.01>
- Bakke K.M., et al. Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states // Political Geography. 2018. Vol. 63. P. 159–173.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2017.06.011>
- Browning C.S. The region-building approach revisited: The continued othering of Russia in discourses of Region-building in the European North // Geopolitics. 2003. Vol. 8. № 1. P. 45–71.
<https://doi.org/10.1080/714001005>
- Dittmer J., et al. Have you heard the one about the disappearing ice? Recasting Arctic geopolitics // Political Geography. 2011. Vol. 30. № 4. P. 202–214.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2011.04.002>
- Du L., Chen W. Political Discourse and Translation Studies. A Bibliometric Analysis in International Core Journals // SAGE Open. 2022. Vol. 12. № 1.
<https://doi.org/10.1177/21582440221082142>
- Kuteleva A., Vasiliev D. China's belt and road initiative in Russian media: politics of narratives, images, and metaphors // Eurasian Geography and Economics. 2021. Vol. 62. № 5–6. P. 582–606.
<https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1833228>
- Liu Z., Dunford M., Liu W. Coupling national geopolitical economic strategies and the Belt and Road Initiative: The China-Belarus Great Stone Industrial Park // Political Geogr. 2021. Vol. 84.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2020.102296>
- Merabishvili G., Metreveli V. Spiritual geopolitics of Georgia's territorial integrity // Political Geography. 2021. Vol. 87.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2021.102374>
- Nikiforova E., Brednikova O. On labor migration to Russia: Central Asian migrants and migrant families in the matrix of Russia's bordering policies // Political Geography. 2018. Vol. 66. P. 142–150.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2018.04.006>
- O'Loughlin J., Kolossov V. Still not worth the bones of a single pomeranian grenadier: The geopolitics of the Kosovo war 1999 // Political Geography. 2002. Vol. 21. № 5. P. 573–599.
[https://doi.org/10.1016/S0962-6298\(02\)00008-2](https://doi.org/10.1016/S0962-6298(02)00008-2)
- Perepechko A.S., Kolossov V.A., ZumBrunnen C. Remeasuring and rethinking social cleavages in Russia: Continuity and changes in electoral geography 1917–1995 // Political Geography. 2007. Vol. 26. № 2. P. 179–208.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2006.09.006>
- Picone F., Buonocore E., Chemello R., et al. Exploring the development of scientific research on Marine Protected Areas: From conservation to global ocean sustainability // Ecological Informatics. 2021. Vol. 61. P. 101–200.
<https://doi.org/10.1016/J.ECOINF.2020.101200>
- Radnitz S. Reinterpreting the enemy: Geopolitical beliefs and the attribution of blame in the Nagorno-Karabakh conflict // Political Geography. 2019. Vol. 70. P. 64–73.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2019.01.009>
- Sattich T., Morgan R., Moe E. Searching for energy independence, finding renewables? Energy security perceptions and renewable energy policy in Lithuania // Political Geography. 2022. Vol. 96.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2022.102656>
- Tsygankov A.P. Finding a civilisational idea: “West,” Eurasia,” and “Euro-East” in Russia's foreign policy // Geopolitics. 2007. Vol. 12. № 3. P. 375–399.
<https://doi.org/10.1080/14650040701305617>
- van Eck N.J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping // Scientometrics. 2010. Vol. 84. № 2. P. 523–538.
<https://doi.org/10.1007/s11192-009-0146-3>
- van Noort C., Chatterje-Doody P.N. Visualizing China's Belt and Road Initiative on RT (Russia Today): from infrastructural project to human development // Eurasian Geography and Economics. 2023. Vol. 64. № 4. P. 431–459.
<https://doi.org/10.1080/15387216.2021.2005650>
- Waltman L., van Eck N.J. A new methodology for constructing a publication-level classification system of science // J. American Society for Information Science and Technology. 2012. Vol. 63. № 12. P. 2378–2392.
<https://doi.org/10.1002/ASI.22748>
- Xiao H., Li L. A bibliometric analysis of critical discourse analysis and its implications // Discourse and Society. 2021. Vol. 32. № 4. P. 482–502.
<https://doi.org/10.1177/0957926521992150>

Russia in Foreign Academic Discourse on Political Geography and Geopolitics in the 2000–2023 Period

L. S. Zhirnova^{a, b, *} and A. N. Fartyshv^{a, c, **}

^aSochava Institute of Geography, SB RAS, Irkutsk, Russia

^bMoscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia

^cIrkutsk State University, Irkutsk, Russia

*e-mail: l.zhirnova@inno.mgimo.ru

**e-mail: fartyshv.an@gmail.com

The study presents a comprehensive analysis of articles concerning Russia in foreign academic discourse on political geography and geopolitics from 2000 to 2023. The aim of the research is to define the main thematic clusters of such publications and their transformation over time. Cluster and temporal bibliometric analysis of headlines and abstracts of over 1500 articles in the leading journals, conducted by the means of VOSviewer 1.6.19 program allowed to define four clusters of the following thematic fields: critical geopolitics; economic transformations; transport and infrastructure; polls and elections. Each cluster is associated with a country that is most frequently used in the corresponding context. In the critical geopolitical cluster that is Turkey, in the cluster of economic transformations that is Russia, in the cluster of transport and infrastructure that is China and in the sociological and electoral cluster that is Ukraine. The largest is the critical geopolitical cluster considering perception of geopolitical position and international hierarchy, as well as the impact of that perception on actors' behavior. The most compact cluster is the infrastructure one linked to China's transportation projects and Eurasian integration. That is exactly this cluster that includes the "newest" terms concerning China's recent infrastructure initiatives in Greater Eurasia as well as the functioning of the Eurasian Economic Union. The oldest terms are linked to the cluster of economic transformations and represents the analysis of the course and the outcome of the transfer to the market economy in Russia and other post-Soviet countries. Analyzing the context of Russia studies in the foreign political geographic academic discourse provides a better understanding of the views on Russia in the foreign academic community and allows to formulate its characteristic features.

Keywords: geopolitics, quantitative methods, political geography, VOSviewer, bibliographic analysis, bibliometric mapping, corpus linguistics, Russia

REFERENCES

- Bakke K.M., Linke A.M., O'Loughlin J., Toal G. Dynamics of state-building after war: External-internal relations in Eurasian de facto states. *Polit. Geogr.*, 2018, vol. 63, pp. 159–173.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2017.06.011>
- Browning C.S. The region-building approach revisited: The continued othering of Russia in discourses of region-building in the European North. *Geopolitics*, 2003, vol. 8, no. 1, pp. 45–71.
<https://doi.org/10.1080/714001005>
- Dittmer J., Moisiso S., Ingram A., Dodds K. Have you heard the one about the disappearing ice? Recasting Arctic geopolitics. *Polit. Geogr.*, 2011, vol. 30, no. 4, pp. 202–214.
<https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2011.04.002>
- Du L., Chen W. Political discourse and translation studies. A bibliometric analysis in international core journals. *SAGE Open*, 2022, vol. 12, no. 1.
<https://doi.org/10.1177/21582440221082142>
- Fartyshv A.N. Quantitative methods in Russian geopolitical researches. *Political Science*, 2022, no. 4, pp. 18–40. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31249/POLN/2022.04.01>
- Kaledin N.V., Chistobayev A.I., Kaledin V.N., Elatskov A.B. The development of political geography and geopolitics as an academic and research discipline in the Baltic region: The historical contribution of Saint Petersburg University. *Baltic Region*, 2019, no. 2, pp. 136–152.
<https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-8>
- Kolosov V.A. Geography of state boundaries: Ideas, achievements, practice. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2008, no. 5, p. 8–20. (In Russ.).
- Kolosov V.A. Critical geopolitics: Main concepts and field experience in Russia. *Political Science*, 2011, no. 4, p. 31–52. (In Russ.).
- Kuteleva A., Vasiliev D. China's Belt and Road initiative in Russian media: Politics of narratives, images, and metaphors. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2021, vol. 62, no. 5–6, pp. 582–606.
<https://doi.org/10.1080/15387216.2020.1833228>

- Liu Z., Dunford M., Liu W. Coupling national geopolitical economic strategies and the Belt and Road Initiative: The China-Belarus Great Stone Industrial Park. *Polit. Geogr.*, 2021, vol. 84. <https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2020.102296>
- Merabishvili G., Metreveli V. Spiritual geopolitics of Georgia's territorial integrity. *Polit. Geogr.*, 2021, vol. 87. <https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2021.102374>
- Nikiforova E., Brednikova O. On labor migration to Russia: Central Asian migrants and migrant families in the matrix of Russia's bordering policies. *Polit. Geogr.*, 2018, vol. 66, pp. 142–150. <https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2018.04.006>
- O'Loughlin J., Kolossov V. Still not worth the bones of a single pomeranian grenadier: The geopolitics of the Kosovo war 1999. *Polit. Geogr.*, 2002, vol. 21, no. 5, pp. 573–599. [https://doi.org/10.1016/S0962-6298\(02\)00008-2](https://doi.org/10.1016/S0962-6298(02)00008-2)
- Okunev I.Yu. Critical geopolitics and post-critical shift on geopolitical research paradigm. *Sravnit. Politika*, 2014, vol. 5, no. 4, pp. 6–14. (In Russ.)
- Orlov B.S. Russia as viewed by the Germans in the modern times. *Ross. Sovrem. Mir*, 2010, no. 1, pp. 165–185. (In Russ.)
- Perepechko A.S., Kolossov V.A., ZumBrunnen C. Remeasuring and rethinking social cleavages in Russia: Continuity and changes in electoral geography 1917–1995. *Polit. Geogr.*, 2007, vol. 26, no. 2, pp. 179–208. <https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2006.09.006>
- Picone F., Buonocore E., Chemello R., et al. Exploring the development of scientific research on Marine Protected Areas: From conservation to global ocean sustainability. *Ecol. Inform.*, 2021, vol. 61, pp. 101–200. <https://doi.org/10.1016/J.ECOINF.2020.101200>
- Pototskaya T.I., Silnichaya A.V. Modern geopolitical research in Russia. *Baltic Region*, 2019, vol. 11, no. 2, pp. 112–135. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2019-2-7>
- Radnitz S. Reinterpreting the enemy: Geopolitical beliefs and the attribution of blame in the Nagorno-Karabakh conflict. *Polit. Geogr.*, 2019, vol. 70, pp. 64–73. <https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2019.01.009>
- Sattich T., Morgan R., Moe E. Searching for energy independence, finding renewables? Energy security perceptions and renewable energy policy in Lithuania. *Polit. Geogr.*, 2022, vol. 96. <https://doi.org/10.1016/J.POLGEO.2022.102656>
- Silnichaya A.V., Gumenyuk L.G., Russian geopolitical studies through the prism of bibliometry. *Reg. Issled.*, 2019, no. 1, pp. 76–88. (In Russ.). <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-1-7>
- Tsygankov A.P. Finding a civilisational idea: “West,” Eurasia,” and “Euro-East” in Russia's foreign policy. *Geopolitics*, 2007, vol. 12, no. 3, pp. 375–399. <https://doi.org/10.1080/14650040701305617>
- van Eck N.J., Waltman L. Software survey: VOSviewer, a computer program for bibliometric mapping. *Scientometrics*, 2010, vol. 84, no. 2, pp. 523–538. <https://doi.org/10.1007/s11192-009-0146-3>
- van Noort C., Chatterje-Doody P.N. Visualizing China's Belt and Road Initiative on RT (Russia Today): From infrastructural project to human development. *Eurasian Geogr. Econ.*, 2023, vol. 64, no. 4, pp. 431–459. <https://doi.org/10.1080/15387216.2021.2005650>
- Waltman L., van Eck N.J. A new methodology for constructing a publication-level classification system of science. *J. Am. Soc. Inf. Sci. Tec.*, 2012, vol. 63, no. 12, pp. 2378–2392. <https://doi.org/10.1002/ASI.22748>
- Xiao H., Li L. A bibliometric analysis of critical discourse analysis and its implications. *Discourse Soc.*, 2021, vol. 32, no. 4, pp. 482–502. <https://doi.org/10.1177/0957926521992150>